

Сергей Белозёров. Фото Андрея Лыженкова

Было это в далёком 1976 году, в августе, сухом и жарком. Я тогда только что поступил на работу в тульскую областную газету «Молодой коммунар» и, помнится, зачем-то зашел в секретариат редакции, где уже находилось несколько журналистов. Среди них особо выделялся один, небрежно одетый, какой-то растрепанный и, совершенно очевидно, поддатый. Он отчаянно жестикулировал и о чем-то увлеченно говорил. Насколько помню, речь шла об очередной кампании на страницах газеты. Так вот он и врзался в мою память: непричесанный, подшофе и — одухотворенный.

— Знаешь, кто это? — толкнул меня в бок мой заведомо Коля Маликов.

— Понятия не имею.

— Эх ты! Это же легенда нашей конторы — сам Сергей Белозёров! Скоро в Казань уезжает, сборком «Комсомолки». Везет же Сергею! Карьера!

Само слово «Казань» имеет для меня почти магический смысл. Ведь я шесть лет прожил там, учился в Казанском университете на истфилфаке. В Казани написаны стихи, вошедшие потом в мою первую поэтическую книгу «Единственная жизнь». Казань — это поэтические посиделки на квартире у известного в Татарии да и далеко за ее пределами композитора, поэта, философа, музыкального педагога Лоренса Ивановича Блинова. Потом из этих посиделок местного андеграунда выросло поэтическое сообщество имени Хлебникова (ПОСОХ). Казань, наконец, это любовь. Словом, Казань — это... Казань. И увидев человека, который вот через пару дней будет там, я не мог не подойти к нему, хоть и одолевая известную робость (все-таки «легенда»!)

— А, Славик! — улыбнулся Белозёров. — Привет! Слушай, мы сейчас мой отъезд в Казань отмечаем, так сделай одолжение, присоединяйся!

Откуда он узнал, как меня зовут? Я ведь в «МК», что называется, без году неделя и с ним не пересекался ни разу. Так он ко мне и обращался впоследствии все годы нашего приятельства: не Вячеслав, не Слава, а именно Славик. И было в этом что-то такое простое и дружеское, что грело душу.

Выпили за его отъезд, за успехи на новой работе, большой и ответственной. А потом пошли всей кодлой бродить по Белоусовскому парку. Сергей что-то читал из своих стихов, что именно, я не помню, но читал он как-то удивительно хорошо, «из души», негромко и трогательно.

Так во мне с самого начала и отложился образ Белозёрова: нестандартность, «непричесанность», воодушевление, стихи, газета, которую он любил до страсти, и — что поделать? — и водка!

В Казани у Сергея не сложилось. И проработал он там недолго, что-то около года. Теперь я понимаю, почему не сложилось. Чтобы быть успешным собкором, необходима железная самодисциплина. Надо уметь взять себя в руки, составить график работы и неукоснительно его выполнять. В редакции, в команде работать легче: там мобилизует само присутствие коллег, близость начальства и его постоянный контроль. У собкора этого ничего нет. Он один. Коллеги и начальство далеко, за сотни вёрст. Плюс ко всему — расслабляющая «домашняя» обстановка. Сережа «расслаблялся» слишком часто и, в конце концов, ушел из «Комсомолки». Сам уволился или его уволили — теперь это не имеет никакого значения.

Кто-то из коллег сказал о Сергее: «Он был поэтом в газете и газетчиком в поэзии». Это не совсем так. Вернее будет сказать, что он был поэтом во всем: и в газете, и в поэзии, и в любви. Достаточно вспомнить хотя бы названия некоторых его статей. «Ода комсомольскому сельхозотряду», «Птичка сдохла, но ее все равно съедят» (о банкротстве одной из птицефабрик Тульской области), «Хроника пикирующего бомбардировщика СС-91», где «СС-91» означает: Страна Советов образца 91-го года, то есть времени развала Союза, и многие другие.

В 91-м недоброй памяти году мы сошлись с ним во вновь организованной газете «Тульские известия». Время было тяжелое, непростое. Союз трещал и разваливался на глазах. Страна сидела на талонах. Ельцин уже провозгласил, обращаясь к бывшим союзным республикам: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить!»

А для СМИ это был настоящий Ренессанс. На какое-то время мы, журналисты, поверили, что настал наш час, что можно практически всё, о чём раньше и подумать-то было боязно, что мы — действительно «четвертая власть». О том, что эти «каникулы демократии» скоро закончатся, тогда как-то не думалось. И мы самозабвенно планировали газетные кампании, журналистские расследования, разоблачения, аналитику и прочее, и прочее.

Здесь в полной мере засверкал талант Сергея. То был его яркий и, увы, последний взлёт. Он буквально фонтанировал свежими идеями, успевай только записывать! Скажу лишь о самых ярких. О «Хронике пикирующего бомбардировщика СС-91» я уже говорил. Но ведь эта статья Сергея стала началом целой газетной кампании, основные темы которой: ухудшение качества нашей жизни, девальвация духовных ценностей, переписывание истории в угоду новому руководству страны и многое другое.

Я был обозревателем по экономике и сельскому хозяйству. Раз сижу в кабинете и что-то пишу. Заходит Сергей и — с порога: «Ты что тут сидишь? Сидя в конторе, хорошего материала не сделаешь». — «А где же мне быть?» — «Как где? Славик! Ты что не знаешь, где тебе быть, или придуриваешься?! Вот хотя бы походи по магазинам, где ничего нет, и напиши цикл статей «Раздумья у пустых прилавков». Ну, как тебе? Пошли к шефу согласовывать!»

«Шеф», главный редактор «Тульских известий» Александр Ермаков, буквально взвился от восторга:

— Слушай, Серег, ты просто гений!

— Да причем тут я? Это Алтунин сам придумал.

— Ну, Вячеслав! Молодчина! Благословляю! Действуй.

Я оценил благородство Сергея. Идея-то была его, но он сознательно отдал ее младшему коллеге, чтобы поддержать меня, поднять, так сказать, мой журналистский рейтинг в глазах начальства. Статьи были написаны и признаны сначала лучшими материалами месяца, а затем и года.

Мы были увлечены своей работой, повеяло, пусть ненадолго, свежим ветром перемен, и мы были уверены, что участвуем в этих переменах. Являемся, так сказать, их прорабами. Идеи и отдельных материалов, и целых газетных кампаний рождались прямо на ходу: за водочкой, во время хождений по парку и улицам Тулы.

Однажды Сергей мне предложил:

Сергей Белозёров со Светланой Лукиной в редакции газеты. Город Зима. Фото Николая Зименкова

не надо помогать. Достаточно того, чтобы ему не мешали». И так далее...

Он был весь открыт, весь нараспашку. Занимал деньги и почти никогда не отдавал долги. Зато уж если у него заводились деньги, щедро делился со всеми, кто нуждался, оплачивал за свой счет даже сидение в ресторане.

Но была одна сфера, одна сторона его души, которую приоткрывал он крайне редко и не для всех. Это была поэзия. При жизни Сергея вышел всего один его сборник — «Словарь далее». Но написано им было, конечно, гораздо больше. Как-то весной мы присели на скамейку парка, и Сергей вдруг сказал: «А давай стихи читаем. Я — тебе, а ты — мне». Я согласился. И он своим низким, проникновенным голосом тихо прочел:

Белозёров Сергей Алексеевич,
тридцати с незначительным лет,
терпеливо пытался отсеивать
сор от хлеба и счастье от бед.

— Слушай, напиши-ка историю бычка по кличке, ну скажем, Митяй. От лица самого бычка. Вот что бы он сказал про нашу нынешнюю жизнь, особенно сельскую? Какова его судьба? А? Ну Толстой написал же «Холстомера», повествование от лица лошади.

— Скажешь тоже! Это ж Толстой!

— Ну и что? Не боги горшки обжигают.

И я написал. И опять, конечно, благодаря Сергею, попал в точку. Материал всем понравился. И снова он ни слова не сказал о том, что идея — его.

Афоризмы, белозёровские образы давно и прочно вошли в редакционный фольклор. Вот лишь некоторые из них... «Ночь была черна, как совесть коррумпированного чиновника», «Чем дальше от столиц, тем больше хороших людей», «Крестьянину

.....
Он с долгами никак не расплатится,
он скитается по городам,
только сито дырявое катится
по пятам, по пятам, по пятам...

— Ну как? — спросил он.

— Сильно! — ответил я, а про себя, помню, подумал: «Очень похоже на эпи-тафию»... Ни я, ни сам Сергей тогда еще не знали и знать не могли, что жить ему осталось около года...

О смерти Белозёрова я узнал, находясь в отпуске в Арсеньевском районе. Вдруг посреди отпуска позвонили из редакции:

— Белозёров умер!

— Да вы что-о-о?!

— Да.

Позже я узнал, как он умер. Они с приятелем выпивали за городом, в березовой роще. Читали стихи, обсуждали, как водится, мировые проблемы. Сергей прислонился к стволу березы и вдруг как-то странно затих. Приятель не сразу и сообразил, что это — тишина смертного часа...

Даже в смерти Белозёров остался сам собой, ни на кого не похожим: березовая роща, стихи, рассуждения о высоком и вечном и... водка.

На его похоронах кто-то из коллег сказал о нем: «Непричесанный был талант. Но — талант! И какой мощный и яркий!»

Лучше о Сергее, пожалуй, и не скажешь.